

Константин Станюкович

Загадочный пассажир

«Морские рассказы»

Константин Станюкович
Загадочный пассажир

«Public Domain»

1901

Станюкович К. М.

Загадочный пассажир / К. М. Станюкович — «Public Domain»,
1901 — («Морские рассказы»)

Содержание

I	5
II	6
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Константин Михайлович Станюкович

ЗАГАДОЧНЫЙ ПАССАЖИР

I

В ночь сочельника трехмачтовый военный крейсер «Руслан» шел под всеми парусами, узлов по десяти, спускаясь к южным широтам.

«Руслан» легко рассекал воду и плавно раскачивался с бока на бок между волн, казалось, почтительно отступающих от него. Ветер был резкий, холодный, но не крепкий и ровный.

Океанская зыбь еще не улеглась. Она вздувалась, и высокие волны с однообразным тихим гулом лениво разбивались одна о другую, и пенящиеся их верхушки рассыпались алмазною пылью, облитые серебристым таинственным светом месяца.

Холодом и какою-то безнадежною тоской одиночества веет и от засевшего холмистого океана, и от бесстрастно красивой луны, и от звезд, ярко мигающих с темной бездонной выси. Стоящие на вахте матросы, одетые в буршлаты поверх фланелевых рубаш, словно бы поддаются тоске этой ночи. И им острее чувствуется, что жизнь их – скверная, служба – проклятая и море – постылое. Молчаливые и серьезные, они взглядывают на океан, отворачиваются от него, и в эту рождественскую ночь их еще сильнее манит домой. И они тихо лясничают между собой о далеких своих местах.

II

И «Ганцакурату Кару Карычу», как прозвали матросы педантичного, хладнокровного, справедливого и добросовестно-недалекого капитана, барона Оскара Оскаровича Нордштрема, и офицерам «очертел» длинный переход. Казалось, в этот вечер большая часть офицеров, засидевшихся в роскошной кают-компании, освещенной электричеством, дольше обыкновенного, скучала и нервничала еще более, чем в прежние дни перехода из Шербурга напрямиком в Батавию.

Особенно приуныли семейные.

Даже старший офицер Евгений Николаевич, красивый румяный брюнет с роскошной бородкой, блестящими зубами и золотым *porte-bonheur*'ом ¹ на руке, любивший казаться слушателем сурового долга, – которому некогда скучать в море, да и неприлично – был сдержанно и достойно серьезен и задумчив.

Обыкновенно великолепный и любивший вставлять веские, авторитетные слова в общие разговоры, любезный со всеми и ни к кому не выказывавший особого расположения, – старший офицер молчал и думал, что встречать праздник несравненно лучше дома, в Петербурге, чем на «Руслане», да еще с людьми, хоть и хорошими, но далеко не такими тонко чувствующими и умными, как он. И, разумеется, Евгений Николаевич не сомневался, что Вавочка, устраивая елку, поплакала о своем одиночестве и, бедная, очень горюет в разлуке.

И с наивною влюбленностью в себя он размышлял:

«Еще бы Вавочке не горевать о нем, внимательном, заботливом, любящем семью! Еще бы не ценить Вавочке такого умного и хорошего человека, который так развил ее ум, так балует подарками! Она знает, что он сделает блестящую карьеру, и семья будет обеспечена. Еще бы не любить такого безукоризненного мужа, который если и изменяет супружескому долгу, то только в дальнем плавании и единственно ради здоровья! Недаром же Вавочка боготворит и смотрит ему в глаза, всегда боящаяся огорчить его. Она – чудная, честная женщина и, разумеется, не позволит себе „подло увлечься“, как увлекаются многие соломенные вдовы плавающих моряков... Она и не подумает!»

И в ту же минуту Евгений Николаевич мысленно решил, что в Батавии он непременно съездит на берег.

Другие женатые моряки, вероятно, не считали себя такими великолепными идолами, на которых их жены могли бы молиться. Напротив, если некоторые мужья и не были идолопоклонниками, то во всяком случае – верноподданными своих королев-супруг. Вот отчего они и не могли скрыть, что им сиротливо и одиноко вдаль от любимых, да еще в такой вечер.

Особенно был подавленно-грустен старший механик Иван Васильевич, необыкновенно добродушный и милый человек, лет за сорок, которого машинисты и кочегары иначе не называли, как «нашим». И все знают, что старший механик тоскует по своей «королеве Марго», как мичманы прозвали Марью Васильевну.

Ни для кого не было секретом, что этот высокий, плотный и сильный молодец с характером и волей, не позволяющий начальству наступить на ногу, находился в полном рабстве у своей маленькой, худенькой и молодой жены с бледным лицом цыганского типа. Она называла себя непонятой женщиной двадцатого века и не скрывала от Ивана Васильевича, что у него грубая натура, не понимающая ее возвышенной души, и что может понимать ее один только мичман Севрюгин. В утешение она прибавила, что если не оставляет Ивана Васильевича и не ищет заработка, то потому, что она – благородная женщина и не хочет огорчать мужа... Он

---

¹ браслетом без застежки (франц.)

хоть и низменно ее любит, но любит и ее и детей, так пусть Иван Васильевич остается мужем, не понимая ее, а мичман в то же время будет понимающим другом...

Иван Васильевич еще благодарил жену и, уходя в дальнее плавание, ревел как белуга и обещал привезти все, что написала жена в списке, переданном мужу при проводах.

Лейтенант Вершинин, от скуки выпивавший третью бутылку портера, проговорил:

– Что, Иван Васильевич... Небось, об елке мечтаете?

– Вообще! – деликатно ответил Иван Васильевич.

– То-то вообще... И я вообще думаю, что скучища... Тоже поехал бы к знакомым на елку... А вместо этого с полуночи на вахту... Что бы нам зайти на Мыс... ² Там по крайней мере... англичанки...

Молодой доктор, сидевший за книгой, поднял глаза на Ивана Васильевича.

«Тоже любовь!» – высокомерно подумал доктор и собирался предложить Ивану Васильевичу применить к нему новое средство излечения от страсти, вычитанное недавно им из медицинского журнала.

Видимо не имевшие темы для разговора два скучающие мичмана лениво перекидывались словами о том, когда Батавия и что там интересного, будут ли они произведены в Новый год в лейтенанты, сколько каждый выплыл ценза ³, и сели играть в шахматы.

– Что бы нам зайти на Мыс! Там по крайней мере англичанки! – раздражительно воскликнул Вершинин.

Мичманы оживленно встрепенулись. И один проговорил:

– Вот так чудесно... А то знакомься с малайками на Яве...

---

² Что бы нам зайти на Мыс... – Имеется в виду мыс Доброй Надежды на южном побережье Африки.

³ ...сколько каждый выплыл ценза... – По «Положению о морском цензе» 1885 года производство в каждый следующий чин во флоте было обусловлено «совершением определенного для каждого чина числа плаваний».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.